

Джон Эшбери (Ashbery) родился в 1927 году в Рочестере (Нью-Йорк). Один из наиболее известных и значительных поэтов современной Америки. Профессор City University of New York. Имеет репутацию сложного автора и затворника. Ряд сборников и стихов Эшбери получили большую читательскую аудиторию и ряд премий, в том числе Пулитцеровскую. На русском языке выходили небольшая (13 текстов) книга в Санкт-Петербурге и несколько

ДЖОН ЭШБЕРИ

стихотворений в "Митиним журнале" и "Звезде Востока" в переводах А. Драгомощенко, Е. Олевского, Д. Голышко-Вольфсона, А. Аствацурова.

АПРЕЛЬСКИЕ ГАЛЕОНЫ

Было что-то горящим. И кроме,
В комнате, в дальнем углу, вальс ненадежный
Был живым, победителей сказ повторяя по
памяти
Вместе с лилиями - все из жизни, такое
Тепловатое новоселье? И откуда приходят
Ключья значения? Очевидно,
Это время ухода, в другом
Направлении, к холоду и болотам, к
витиеватым
Именам городов, что звучали, как если бы
были,
Но их не было. Видел я шхуну,
Словно пилку для ногтей, указатель на
радость
Широко открытого моря, что она остановится
для меня,
Так что вы, да и я, могли бы попробовать
разъединенность
И неравновесие палубы, и вернуться позже,
когда-нибудь,
Сквозь разорванность красных вуалей
раннего вечера,
Знающего наши имена только в другом
Произношении, и тогда, и только тогда
Прибыль весны смогла бы прийти
Со временем, как говорят, и с жестами
Птицы взлетающей, видимо, в лучшую
Сторону, если не главное, может быть,
То, что гитара летящая будет важнее,
Если была бы у нас. И казалось, что есть все
деревья.

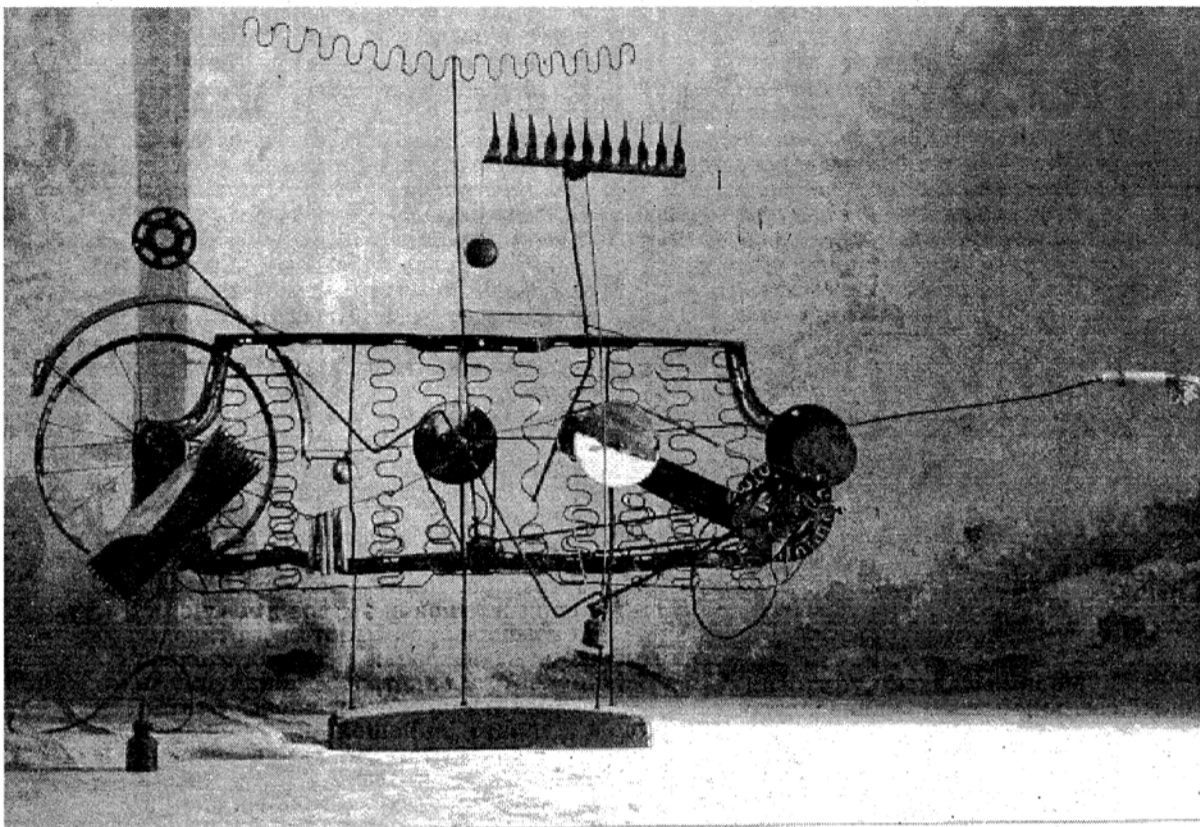
И тогда был короче день с промокшими
Гобеленами, развевающимися инициалами
всех прежних владельцев,
Предупреждающими нас ожидать и молчать.
Будет ли мышь
Знать нас сейчас, если будет, то как же
близость
Допускает спор о различии: крошки, другие
Чуть заметные радости? Все-таки будет
Все разбросано, так далеко от желаний,
Словно дерева корень от центра земли,
Из которого он, тем не менее, вышел
Рассказать нам о счастье расцвета, о
завтрашнем
Празднике винограда. Под ним побывавший
Иногда удивляет вас, сколько вы знаете
много,
И тогда вы проснетесь и будете знать,
Но не столько. И в сумерках, в промежутках
звуки
Мандолины расстроенной вместе живут
С их вопросами, и не меньше упорных
ответов. Приходит
Глянуть на нас, но не слишком уж близко, а
то фамильярность
Пропадет в ударах грома, и нищая девушка
С грязными сплывшими волосами, вся в
слезах непонятных,
Будет всем, что оставлено от золотого века,
золотого
Нашего века, и уже не будет пчелиный рой
На рассвете вперед вытекать, возвращаясь в
поток
Мягкой пыли, ночами нас уносящей от
скупной
Неудовлетворительной честности со сказками
о пестрых городах,
Что как туман там строил, и что было
Направлением всех прокаженных, стремится
Избежать этих глаз, старых глаз любви.

НАСТРОЕНИЕ ТИХОЙ КРАСОТЫ

Вечерний свет словно мед в деревьях,
Когда вы оставили меня и шли до конца
улицы,
Где закат оборвался внезапно.
Свадебный пирог подъемного моста
опускался
К легким незабудкам.
Вы поднимались на корабль.

Сгоревшие горизонты внезапно мостили
золотые камни.
У меня были сны, включая самоубийство,
А сейчас они надувают горячим воздухом
шар.

Это взрыв, это взорвется
С чем-то невидимым
Именно в эти дни.
Мы слушаем и узнаем иногда,
Прижимаясь друг к другу так

Василий Богачев. Имитатор Мира.

крепко.

Опускаем кровь и тому подобное.
Щедрыми стали музеи, они в нашем вздохе живут.

БРИЗ ОТ БЕРЕГА

Возможно, я только забыл.
Возможно, это действительно было, как ты
говоришь.
Как я могу знать?
А жизнь становится все больше, больше
непостижимой и опасной,
По-настоящему еще невидима никем.
Я одинок и тих,
Словно трава этого дня без ветра
И обжигающее знание.
И листья падают, не слушаясь руля, и жгут.

По крайней мере, можно спать до Дня Суда -
Но можно ли? Будь осторожен, что ты говоришь,
обеспокоенная стая
Меняется и отступает
В цветное уравниенье долгого держанья курса.
Никто не знал, какие
Микробы изменялись. Ты мне нравишься,
Поскольку это все, что сделать я могу.

И то, что происходит - получение тобой истории
невосстановленной,
И бриз от берега толкает мягко прочь,
Недалеко. И был обут,
Кто собирался узнавать - в закат,
Блестящий, беспорядочный и острый,
Как слово, что во рту держали слишком долго.
И косточку выплевывает он.

ЗАГАДАЙ МНЕ

Дождливые дни - лучшие,
Там постоянство угла
Между вещами и землей
И в неуходе после оправданий.
Спидометр на закате солнца.

Точно когда они говорили, солнце начинало
скрываться за облаком.
И ладно, это лучше - быть с неясными чертами,
Но туго обернутыми вокруг того настроения,
Чего-то похожего на мстительную радость. И в лесу
Все - то же самое.

Я думаю, что ты мне больше нравилась, когда я
редко узнавал тебя.
Но любящие - как отшельники или коты: они
Не ведают, когда войти, остановит
Ломку прутьев за обедом.
На маленькой станции я ждал тебя

И буду ждать, со всем увлечением,
Что есть у меня ко всем твоим планам и будущему
Звезд, что делает меня жаждущим
Встать на колени, в поисках
Опилка радости.

Июнь, и колючки в нашу сторону едва ли смотрят.
И будут смелыми тогда, и вот тогда
Вот это облако изображает нас и все, чем наша

история

Когда-то собиралась быть, мы догоняем
Нас самих, но они сами другие.

И с этим все города начинают жить
Как места, где можно поверить в движение
К особенному имени, и быть там, и тогда
Это еще действие отступающее, оживляемое до
смерти.

Мы можем бури пережить, что одевают нас

Как радужными шляпами, боясь опять
проследивать шаги
К прошедшему, что так недавно было нашим,
Опасаясь находки там званого вечера.
Всю жизнь тебя поддразнивали так,
И это стало твоей душой?

Где до сих пор гуляет кто-то по берегу в
смешении
Сливовой тени, и солнце уставшее, покорное
Постройкам на противоположном берегу, мы
смешиваем
Задышающиеся приветствия и слезы, и пробуем
тогда на вкус
Драгоценные запасы.

VETIVER

Года проходили медленно, грузом сена,
Как цветы повторяли по памяти строки стихов,
И шука размешивала дно пруда.
Перо холодно к прикосновению,
Лестница раскручена вверх
Через раздробленные гирлянды, хранящие
грусть,
Уже сосредоточенную в буквах алфавита.

Было бы время сейчас для зимы, ее башен
Из кружения сахара, и для линий забот
У рта, и цвета на лбу и щеках,
Пеплом розы когда-то названного.
Сколько ящериц, змей свою кожу покинут
За вот так проходящее время,
Оседающее глубже в стойкость песка,
поворачивающее
К завершению. Все идет хорошо и сейчас,
Хорошо, оно как-то распалось в ладонях,
Выраженное, как перемена, острое,
Как рыболовный крючок в горле, и
декоративные слезы,
Протекавшие мимо в таз, называемый
бесконечностью.

Тут все бесплатно, и ворота
Нарочно брошены открытыми.
Не провожай, все будет у тебя.
А кто-то в комнате свою рассматривает юность,
Найдя ее пустой, сухой и пористой на ощупь.
Пусть буду я с тобой, пока открытый воздух
Нас не охватит, не соединит, пока
Не уберут все ветки с клеем птицеловы,
И рыбаки не вытянут пустые лоснящиеся сети,
И другие не станут частью огромной толпы
Вокруг того костра, расположения,
Что стало значить нас для нас, и плач
Сохранен в листьях, и падает последнее
серебро.

Переводы А. Уланова